

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не предпосылаю моему изданию предисловия: пусть оно говорит само за себя. Все содержащееся в нем, есть не иное что, как благодатное озарение души, которого я удостоился от всепросвещающего Духа Божия в минуты глубокого к себе внимания и самоиспытания, особенно во время молитвы. Когда мог, я записывал благодатные мысли и чувства, и из этих записей многих годов составила теперь книга. Содержание книги весьма разнообразно, как увидят читатели. Пусть они судят о содержании моего издания.

Том 1

Вся ко благоугождению Твоему и мудрствующе и деюще.

Молитва пред Евангелием на Литургии

Обильно открыл Ты мне, Господи, истину Твою и правду Твою. Чрез образование меня науками открыл Ты мне все богатство веры и природы и разума человеческого. Уведал я слово Твое — слово любви, *проходящее до разделения души же и духа* нашего (Евр 4,12); изучил законы ума человеческого и его любомудрие, строение и красоту речи; проник отчасти в тайны природы, в законы ее, в бездны мироздания и законы мирообращения; знаю населенность земного шара, сведал о народах отдельных, о лицах знаменитых, о делах их, прошедших своею чередой в мире; отчасти познал великую науку самопознания и приближения к Тебе; словом — многое, многое узнал я — так что *вещающая разума человеческого показана мисуть* (Сир 3, 23); и доселе еще многое узнаю. Много и книг у меня многообразного содержания, читаю и перечитываю их, но все еще не насытился. Все еще дух мой жаждет знаний; все сердце мое не удовлетворяется, не сыто, и от всех познаний, приобретенных умом, не может получить полного блаженства. Когда же оно насытится? — *Насытится вневгда явитимися славе Твоей* (Пс 16, 15). А до тех пор я не насыщусь. *Пияй от воды сея* (от мирских знаний), *вжаждется паки: а пияй от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки; но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды текущая в живот вечный* (Ин 4, 13–14), — сказал Спаситель.

Как святые видят нас и наши нужды и слышат наши молитвы? Сделаем сравнение. Пусть вы переселены на солнце и — соединились с солнцем. Солнце освещает лучами своими всю землю, каждую песчинку на земле. В этих

лучах вы видите также землю; но вы так малы в отношении к солнцу, что составляете только как бы один луч, а этих лучей в нем бесконечно много. По тождеству с солнцем этот луч участвует тесно в освещении солнцем всего мира. Так и душа святая, соединясь с Богом, как с духовным солнцем, видит чрез посредство своего духовного солнца, освещающего всю вселенную, всех людей и нужды молящихся.

Научился ли ты презреть Господа пред собою *выну* — как Ум вездесущий, как Слово живое и действенное, как Дух животворящий? Священное Писание — вот область Ума, Слова и Духа — Бога Троицы; в нем Он проявляется ясно: *глаголы, яже Аз глаголах вам, дух суть и живот* (Ин 6, 63), — сказал Господь; писания св. отцов — вот опять выражение Мысли, Слова и Духа ипостасных, с большим уже участием самого человеческого духа; писания обыкновенных светских людей — вот проявление падшего человеческого духа, с его греховными привязанностями, привычками, страстями. В Слове Божиим мы видим лицом к лицу Бога и — себя, каковы — мы. Узнайте же в нем себя, люди, и ходите всегда в присутствии Божиим.

Человек, вы сами видите, в слове своем не умирает; он бессмертен в нем и по смерти говорит. Я умру, но и по смерти буду говорить. Сколько между людьми этого бессмертного слова, которое оставили по себе давным-давно умершие и которое живет на устах иногда целого народа! Как живуче слово, даже человеческое! Тем более — Слово Божие: оно переживет все века и будет всегда живо и действенно.

Так как Бог есть зиждительная, живая и животворящая Мысль, то весьма согрешают те, которые мыслями своего

духа отклоняются от этой ипостасной Мысли и занимаются только предметами вещественными, тленными, овеществляя чрез то дух свой; особенно грешны те, которые во время Богослужения или домашней молитвы совсем отклоняются своими мыслями и блуждают в разных местах вне храма. Они крайне оскорбляют Божество, в которое должна быть вперена наша мысль.

К чему ведет пост и покаяние? Из-за чего труд? Ведет к очищению грехов, покою душевному, к соединению с Богом, к сыновству, к дерзновению пред Господом. Есть из-за чего попоститься и от всего сердца исповедаться. Награда будет неоценимая за труд добросовестный. У многих ли из нас есть чувство сыновней любви к Богу? Многие ли из нас со дерзновением, неосужденно смеют призывать Небесного Бога Отца и говорить: *Отче наш!*... Не напротив ли, в наших сердцах вовсе не слышится такой сыновний глас, заглушенный суетою мира сего или привязанностью к предметам и удовольствиям его? Не далек ли Отец Небесный от сердец наших? Не Богом ли мстителем должны представлять себе Его мы, удалившиеся от Него на страну далече? — Да, по грехам своим все мы достойны Его праведного гнева и наказания, и дивно, как Он так много долготерпит нам, как Он не посекает нас, как бесплодные смоковницы? Поспешим же умиловить Его покаянием и слезами. Войдем сами в себя, со всею строгостью рассмотрим свое нечистое сердце и увидим, какое множество нечистот заграждают к нему доступ божественной благодати, сознаем, что мы мертвы духовно.

Любящий Господь здесь: как же я могу допустить в свое сердце и тень злобы? Да умрет во мне совершенно всякая злоба, да умаститса сердце мое благоуханием незлобия.

Любовь Божия да побеждает тебя, злобный сатана, наслонравных к злобе подстрекающий. Злоба крайне убийственна для души и тела: палит, давит, мучит. Никто, связанный злобою, да не дерзнет приступить к престолу Бога любви.

Молясь, мы непременно должны взять в свою власть сердце и обратить его к Господу. Надобно, чтобы оно не было холодно, лукаво, неверно, двоедушно. Иначе что пользы от нашей молитвы, от нашего говенья? Хорошо ли слышать от Господа гневный глас: *приближаются Мне людие сии усты своими, и устнами чтут Мя: сердце же их далече отстоит от Мене* (Мф 15, 8). Итак, не будем стоять в церкви с душевным расслаблением, но да горит каждый духом своим, работая Господу. И люди не много ценят те услуги, которые мы делаем с холодностью, по привычке. А Бог хочет именно нашего сердца. *Дажь Ми, сыне, твое сердце* (Притч 23, 26); потому что сердце — главное в человеке, жизнь его; больше — сердце наше есть самый человек. Потому, кто не молится или не служит Богу сердцем — тот все равно что вовсе не молится, потому что тогда молится тело его, которое само по себе, без души — то же, что земля. Помните, что предстоя на молитве, вы предстояте Богу, имеющему разум всех. Потому молитва ваша должна быть, так сказать, вся дух, вся разум.

Живут и по смерти святые Божии. Вот часто слышу в церкви, как поет Божия Матерь чудную, проходящую в сердце песнь Свою, которую Она сложила в доме тетки Своей Елисаветы, после благовещения Архангела. Вот я слышу песнь Моисея, песнь Захарии — отца Предтечева, Анны — матери пророка Самуила, песнь трех отроков, песнь Мариами. А сколько новозаветных святых певцов

доныне услаждают слух всей Церкви Божией! А Богослужение? А таинства? А обряды? Чей там дух движется и умиляет наши сердца? — Господа Бога и святых Божиих. Вот вам доказательство бессмертия человеческой души. Как это люди умерли и управляют по смерти нашею жизнью; умерли и доселе говорят, поучая, назидая и трогая нас!

Как дыхание необходимо для тела, и без дыхания человек не может жить, так без дыхания Духа Божия душа не может жить истинною жизнью. Что воздух для тела, то Дух Божий для души. Воздух подобие некоторое Духа Божия. *Дух, идеже хочет, дышет...* (Ин 3, 8).

Когда вам предстоит искушение на грех, тогда представляйте живо, что грех сильно прогневляет Господа, Который ненавидит беззаконие. *Яко Бог не хотяй беззакония, Ты еси* (Пс 5, 5). А чтобы вам лучше понять это — представьте правдивого, строгого, любящего свое семейство отца, который всеми мерами старается сделать детей своих благонравными и честными, чтобы за их благонравие наградить их великими своими богатствами, которые он приготовил для них с великим трудом, и который между тем видит, к прискорбию своему, что дети за такую любовь отца не любят его, не обращают внимания на приготовленное любовью отца наследие, живут беспутно, стремительно несутся к погибели. А каждый грех, заметьте, есть смерть для души (Иак 1, 15 и др.), потому что он убивает душу, потому что он делает нас рабами диавола-человекоубийцы, и чем больше мы работаем греху, тем труднее наше обращение, тем вернее наша погибель. Убойтесь же всем сердцем всякого греха.

Когда сердце твое уклонится в помышлении лукавства, и лукавый, как говорится, начнет подмывать твое сердце, чтобы оно совсем подвинулось с камня веры, тогда скажи себе внутренне: знаю я свою духовную нищету, свое ничтожество без веры; скажи: я так немощен, что именем Христовым только и живу, и упокоиваюсь, и веселюсь, распространяюсь сердцем, а без Него — мертв душевно, беспокоюсь, стесняюсь сердцем; без Креста Господня я давно был бы жертвою самой лютой скорби и отчаяния. Христос меня держит в жизни; Крест — покой и утешение мое.

Мы потому и можем мыслить, что есть беспредельная Мысль, как потому дышим, что есть беспредельность воздушного пространства. Вот отчего и называются вдохновением светлые мысли о каком-либо предмете. Мысль наша постоянно течет именно под условием существования беспредельного мыслящего Духа. Вот почему Апостолы говорят: *мы не довольни есмы от себе помыслити что, яко от себе, но довольство нашии от Бога* (2 Кор 3, 5). Вот почему и Спаситель говорит: *не пецуйтеся, како или что возглаголете, дастбоя вам, что возглаголете* (Мф 10, 19). Видишь, и мысль и даже самое слово (вдохновение) приходят к нам отвне. Это, впрочем, в состоянии благодати и в случае нужды. Но и в обыкновенном нашем положении — все светлые мысли от Ангела Хранителя и от Духа Божия; тогда как, напротив, нечистые, темные — от нашего поврежденного существа и от диавола, всегда приседающего нам. Как же нужно вести себя христианину? *Бог Сам есть действующий* в нас (Флп 2, 13). Вообще везде в мире мы видим царство мысли, как во всем составе видимого мира, так в частности — на земле, вращении и жизни земного шара — в распределении стихий света, воздуха, воды, земли, огня (в сокровенности), тогда как другие стихии разлиты во всех животных — в пти-

цах, рыбах, гадах, зверях и человеке, в их мудром и целесообразном устройстве, в их способностях, нравах или привычках, в растениях, в их устройстве, в питании и прочем, словом — везде видим царство мысли, даже в бездушном камне и песчинке.

Священники Господни! Сумейте утешением веры обратиться ложе печали страдальца-христианина в ложе радости, сумейте сделать его из несчастнейшего, по его мнению, человека человеком счастливейшим в мире, уверьте его, что *в мале быв наказан*, он будет *великими благодетельствован* (Прем 3, 5) по смерти, — и вы будете друзьями человечества, Ангелами Утешителями, органами Духа Утешителя.

Если не возгревать в сердце теплоты веры, то может от нерадения совсем погаснуть в нас вера; может как бы совсем помереть для нас христианство со всеми его таинствами. Враг о том только и старается, чтобы погасить веру в сердце и привести в забвение все истины христианства. Оттого мы видим людей, которые только по одному имени христиане, а по делам совершенные язычники.

Не думайте, что вера наша не животворна для нас, пастырей, что мы лицемерно служим Богу. Нет, мы первые больше всех пользуемся милостями Божиими и знаем по опыту, что для нас Господь с его таинствами, что Его Матерь Пречистая и Его святые. Например, причащаясь животворящих Таин Тела и Крови Господних, мы часто, часто испытывали на себе их животворность, небесные дары мира и радости о Духе Святом; знаем, что не веселит так милостивый царский взор последнего из подданных, как веселит благостный взор небесного Владыки нашего, как

веселят Его Тайны. И мы были бы крайне неблагодарны пред Господом и ожесточенны сердцем, если бы не повели об этой славе животворящих Таин всем возлюбленным Божиим, если бы не прославляли Его чудес, в нашем сердце совершающихся в каждую Божественную литургию! Мы также часто испытываем на себе непобедимую, непостижимую, божественную силу честного и животворящего Креста Господня и силою его прогоняем из сердца своего страсти, уныние, малодушие, страх и все козни бесовские. Он наш друг и благодетель. Говорим это искренно, с сознанием всей истины и силы своих слов.

Ты хочешь постигнуть непостижимое; но можешь ли понять, как постигают тебя внутренние, убивающие душу твои скорби, и найти средства — вне Господа — как их прогонять? Узнай же сердцем, как освободиться тебе от скорбей, как соделывать покойным сердце свое, и тогда, если нужно, мудрствуй о непостижимом. *Аще ни мала чесо можете, что о прочих печетесь?* (Лк 12, 26)

Размышляй чаще: чья мудрость проявилась в устройстве твоего тела, постоянно поддерживает его в бытии и отправлениях? Кто предписал законы твоей мысли, и она доселе следует им у всех людей? Кто начертал на сердцах всех людей закон совести, и она доселе у всех людей добро награждает, а зло наказывает? Боже всемогущий, премудрый и всеблагий! Рука Твоя постоянно на мне грешном, и нет мгновения, когда бы благодать Твоя покидала меня. Даруй же мне всегда живою верою лобызать десницу Твою. Зачем мне ходить далеко искать следов Твоей благодати, Твоей премудрости и Твоего всемогущества? Ах! следы эти так явственно видны во мне! Я, я — чудо Божией благодати, премудрости и всемогущества. Я — в малом виде — целый

мир; моя душа — представительница мира невидимого; мое тело — представитель мира видимого.

Братья! какая цель нашей жизни на земле? Та, чтобы по испытании нашем земными скорбями и бедствиями и после постепенного усовершенствования в добродетели при помощи благодатных дарований, преподаваемых в таинствах, нам опочить по смерти в Боге — покое нашего духа. Вот почему мы поем об умерших: *упокой, Господи, душу раба Твоего*. Мы желаем усопшему покоя как края всех желаний и молим о том Бога. Не безрассудно ли поэтому много скорбеть над умершими? *Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф 11, 28), — говорит Господь. Вот покойники наши, христианскою кончиною уснувшие, приходят на этот глас Господа и упокоются. Чего же скорбеть?

У людей, старающихся провоздвигать духовную жизнь, бывает самая тонкая и самая трудная война через помыслы каждое мгновение жизни — война духовная; надобно быть каждое мгновение всему оком светлым, чтобы замечать втекающие в душу помыслы от лукавого и отражать их; сердце свое такие люди должны иметь всегда горящим верою, смирением, любовью; в противном случае в нем легко поселится лукавство диавольское, за лукавством маловерие или неверие, а затем и всякое зло, от которого скоро не отмоешься и слезами. Потому не допусти, чтобы сердце твое было холодным, особенно во время молитвы, избегай всячески холодного равнодушия. Весьма часто бывает, что на устах молитва, а в сердце — лукавое маловерие или неверие, устами как будто близок человек к Господу, а сердцем далек. А во время молитвы лукавый все меры употребляет к тому, чтобы охладить и излукавить

наше сердце самым незаметным для нас образом. Молись да и крепись, сердце свое крепи.

Если хочешь молитвою испросить себе какого-либо блага у Бога, то прежде молитвы приготовь себя к несомненной, крепкой вере и прими заблаговременно средства против сомнения и неверия. Худо, если во время самой молитвы сердце твое изнеможет в вере и не устоит в ней: тогда и не думай, чтобы ты получил то, о чем просил Бога сомняся, потому что ты оскорбил Бога, а ругателю Бог не дает даров Своих! *Вся, — сказал Господь, — елика аще воспросите в молитве, верующе, примете* (Мф 21, 22), и, значит, если воспросите неверующе или с сомнением, не примете. *Аще имате веру, и не усумнитесь, — еще говорит Он, — то и горы можете переставлять* (Мф 21, 21). Значит, если усумнитесь и не поверите, то не сделаете этого. *Да просит же* (каждый человек) *верою, ничтоже сомняся, — говорит Апостол Иаков... да не мнит сомняйся, яко примет что от Бога. Муж двоедушен неустроен во всех путех своих* (Иак 1, 6–8). Сердце, сомневающееся в том, что Бог может даровать просимое, наказывается за сомнение: оно болезненно томится и стесняется от сомнения. Не прогневляй же Вседержавного Бога ни тению сомнения, особенно ты, испытавший на себе Божие всемогущество многое множество раз. Сомнение — хула на Бога, дерзкая ложь сердца, или гнездящегося в сердце духа лжи на Духа истины. Бойся его, как ядовитой змеи, или нет, — что я говорю, пренебрегай им, не обращай на него ни малейшего внимания. Помни, что Бог во время прошения твоего ожидает утвердительного ответа на вопрос, внутренне Им тебе предлагаемый: *веруеши ли, яко могу сие сотворити?* Да, ты должен из глубины сердца ответить: *верую, Господи!* (ср. Мф 9, 28) И тогда будет по вере твоей. Твоему сомнению или неверию да поможет следующее

рассуждение: я прошу у Бога 1) существующего, а не воображаемого только, не мечтательного, не фантастического блага, а все существующее — от Бога получило бытие, потому что *без Него ничтоже бысть, еже бысть* (Ин 1, 3), и, значит, ничто и не бывает без Него, что бывает, а все или от Него получило бытие, или по Его воле или допущению бывает и делается при посредстве данных от Него тварям Его сил и способностей, и во всем сущем и бывающем Господь полновластный Владыка. Кроме того, Он *на-рицает и не сущая, яко сущая* (Рим 4, 17); значит, если бы я просил и не сущего, Он мог бы мне дать, сотворив его. 2) Я прошу возможного, а для Бога и наше невозможное — возможно; значит, и с этой стороны нет препятствия, потому что Бог может сделать для меня даже то, что по моим понятиям невозможно. Та беда наша, что в веру нашу мешается близорукий рассудок, этот паук, ловящий истину сетками своих суждений, умозаключений, аналогий. Вера вдруг обнимает, видит, а рассудок окольными путями доходит до истины: вера — средство сообщения духа с духом, а рассудок — духовно — чувственного с духовно — чувственным и просто материальным; та — дух, а этот — плоть.

Все блага души, т.е. все, что составляет истинную жизнь, покой и радость души, — от Бога! Опыт. То мне сердце говорит: Ты, Святый Душе, сокровище благих!

Имея Христа в сердце, бойся, как бы не потерять Его, а с Ним и покоя сердечного; горько начинать снова, усилия прилепиться к Нему снова по отпадении будут тяжки и многим будут стоять горьких слез. Держись всеми силами за Христа, приобретай Его и не теряй святого дерзновения пред Ним.

Вы смотрите на икону Спасителя и видите, что Он взирает на вас пресветлейшими очами, — это взирание и есть образ того, что Он действительно взирает на вас яснейшими солнца очами Своими и видит все ваши мысли, слышит все ваши сердечные желания и вздохи. Образ — образ и есть, в чертах и знаках он представляет то, что неначертаемо и неозначаемо, а постижимо только верою. Верьте же, что Спаситель всегда на вас призывает и видит вас всех — со всеми вашими думами, скорбями, воздыханиями, со всеми вашими обстоятельствами, как на ладони, *Се на руках Моих написах стены твоя, и предо Мною еси писано*, — говорит Господь (Ис 49, 16). Как много утешения, жизни в этих словах Вседержавного Промыслителя! Итак, молитесь пред иконою Спасителя, как бы пред Ним Самим. Человеколюбец присущ ей благодатью Своею и очами, на ней написанными, точно взирает на вас: *на всяком месте очи Его смотрят* (Притч 15, 3), значит, и на иконе, и слухом, на ней изображенным, слушает вас. Но помните, что очи Его — очи Божеские, и уши Его — уши Бога вездесущего.

В благонамеренных сочинениях людей уважай свет Христов, *просвещающий всякого человека, грядущаго в мир* (Ин 1, 9), и с любовью читай их, благодаря Светодавца Христа, всем ревностным неоскудно изливающего свет Свой.

Где бы я ни был, но лишь возведу сердечное око в скорби моей к Богу, Человеколюбец отвечает тотчас же на мою веру и молитву, и скорбь сейчас проходит. Он на всякое время и на всякий час близ меня. Только не видишь, а живо чувствуешь Его сердцем. Скорбь — смерть сердца; и она есть падение от Бога; широта, спокойствие сердца при живой вере в Него яснее дня доказывает, что Господь постоянно при мне и Он внутри меня живет. Какой ходатай

или Ангел избавит нас от грехов или скорбей? Никто, кроме единого Бога. То — опыт.

Меру достоинства своей молитвы будем измерять мерою человеческою, качеством отношений наших к людям. Каковы мы бываем с людьми? Иногда мы холодно, без участия сердца, по должности или из приличия высказываем им свои просьбы, похвалы, благодарность или делаем для них что-либо; а иногда с теплотою, с участием сердца, с любовью или иногда притворно, иногда искренно. Так же неодинаковы мы бываем и с Богом. А не так надо. Надо всегда от всего сердца высказывать Богу и славословие, и благодарение, и прошение; надо всегда от всего сердца делать всякое дело пред Ним; всем сердцем всегда любить Его и надеяться на Него.

Вера в бытие Божие тесно связана с верою в бытие собственной души, как части мира духовного. Душе благочестивой бытие Божие так же очевидно, как собственное бытие, потому что с каждою мыслию доброю или недоброю, желанием, намерением, словом или делом происходят соответствующие перемены в сердце — спокойствие или беспокойство, радости или скорби — и это вследствие действия на нее Бога духов и всякия плоти, Который отражается в благочестивой душе, как солнце в капле воды: чем чище эта капля, тем лучше, яснее отражение; чем мутнее, тем тусклее, — так что в состоянии крайней нечистоты, черноты души отражение прекращается и душа остается в состоянии мрака духовного, в состоянии бесчувственности; человек имеет очи и не видит, имеет уши и не слышит. Еще Господь Бог в отношении к нашей душе — то же, что внешний воздух в отношении к ртути термометра, с тем различием, что расширение и стояние, повышение